

УДК 316.344.25

ВОЗВРАТ К РАСПРЕДЕЛЕНИЮ В ОЦЕНКАХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА И СТУДЕНТОВ-ПЕДАГОГОВ

Казакова Анна Юрьевна

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; профессор кафедры философии, культурологии и социологии Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, Калуга, Россия; kazakova.a.u@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме трудоустройства выпускников и использования модели государственного распределения. На основе ретроспективного дискурс-анализа общественного диспута об обязательном государственном распределении студентов-бюджетников показана дифференциация мнений общественности и студентов относительно законодательного регулирования данной сферы. Рассматривая студентов педагогических специальностей как целевую группу, автор сравнил оценки студентов-историков с педагогической специализацией со слабой и сильной готовностью к принятию профессиональной роли учителя. Полученные данные могут быть использованы для разработки более эффективных методов стимулирования студентов к профессии учителя и преодоления негативного отношения к государственному распределению в случае его корректировки в сторону дифференцированного подхода и расширенного состава мест приложения труда для возможного выбора.

Ключевые слова: государственное распределение выпускников; оценка законопроекта; мотивация; педагогическая готовность.

Для цитирования: Казакова А.Ю. Возврат к распределению в оценках пользователей интернет и студентов-педагогов // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 2. – С. 98–115.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.02.06

Рукопись поступила 15.03.2024

Принята к печати 15.05.2024

Введение

Ситуацию на рынке труда в России эксперты все чаще обозначают как «жесткую» [Доклад о денежно-кредитной политике, 2023], имея в виду дефицит людей, вынуждающий работодателей по многим отраслям увеличивать зарплаты без оглядки на производительность и эффективность труда. По данным портала Head Hunter, дефицит рабочей силы растет, и регионов с кадровым избытком в России нет вообще [Краткий обзор ситуации ..., 2023]. Но самая жесткая – после столичного региона – ситуация с кадрами сложилась в Приволжском федеральном округе [Краткий обзор ситуации ..., 2023].

Становится понятным, почему именно в Татарстане родился законопроект об обязательном государственном распределении студентов-бюджетников, внесенный в Государственную думу РФ в апреле 2023 г. [Проект законодательной инициативы № 8–387 ..., 2023]. Кроме дефицита кадров, Татарстан лидирует и по количеству обучающихся в регионе студентов, сразу после Москвы и Санкт-Петербурга [Татарстан вошел в десятку ..., 2019]. Тревога законотворцев обусловлена сильной диспропорцией занятости: при огромном количестве студентов их притока на предприятия нет.

Анализ научной литературы указывает на хронический, системный, надотраслевой и надрегиональный характер проблемы. До середины 2000-х годов российские исследователи редко обращались к теме государственного распределения выпускников. Трудности поиска работы и закрепления молодых специалистов на первом рабочем месте представляли чаще как проблемы социокультурного противоречия между формирующейся гуманистической, личностно-ориентированной моделью подготовки специалиста и старой, институционально встроенной в отдельные сферы труда, авторитарной моделью его адаптации [Матвеева, 2005]. Кроме того, некоторое влияние на карьерные траектории молодых специалистов оказывала частично сохраненная, но «потерявшая обязательный, принудительный характер система трудоустройства выпускников вузов в соответствии с поступившими заявками от работодателей» [Пугач, Федорова, 2011, с. 146].

Далее все чаще в научном дискурсе отмечалось, что в отсутствие государственного принуждения труд во всех отраслях стремительно стареет, прекаризируется, теряет качество, обесценивается, демонстрирует разрыв между зарплатными и социальными ожиданиями работников и условиями конкретного рабочего места, между содержанием и качеством образования и потребностями экономики. В 2005 г. в Иркутске у 55% выпускников медицинских вузов выявили непонимание перспектив трудоустройства, а у большинства руководителей лечебно-профилакти-

ческих учреждений – нежелание как участвовать в целевой подготовке специалистов, так и принимать на работу выпускников [Алексеевская, Соктуев, 2005]. В 2007 г. в Пензенском государственном университете обосновывается актуальность «информационной поддержки согласования потребностей рынка труда с выпуском специалистов» тем, что около половины выпускников, подготовленных без учета нужды в них на предприятиях, не находят себе работы по специальности [Эпп, 2007, с. 3]. В 2011 г. авторы из НИТУ «МИСиС» подчеркивали, что статистика трудоустройства выпускников завышена. Искажения возникают за счет отнесения к категории занятых призванных в ВС РФ, а также потому, что учету не подлежат студенты негосударственных вузов, заочники и обучающиеся на платной основе, хотя их доля в выпуске специалистов весьма значительна [Пугач, Федорова, 2011]. В 2015 г. выборочное обследование Росстата показало, что первая работа не связана с полученной специальностью больше чем у половины всех выпускников образовательных организаций, что «обусловлено отсутствием вакансий по полученной профессии (специальности) (1,8 млн чел., или 54,7%) ... с низким уровнем заработной платы (582,8 тыс. чел., или 17,8%)» [Анферов, Долгих, 2018, с. 70]. В 2018 г. сохраняющаяся ситуация «структурного неравновесия спроса и предложения на рынке труда ... приводит, с одной стороны, к наличию невостребованных работников на рынке труда, а с другой стороны, к дефициту работников конкретных профессий, специальностей и квалификаций на промышленных предприятиях» [Башарина, 2018, с. 21].

Туманные перспективы трудоустройства, в свою очередь, снижают мотивацию как студентов, так и преподавателей, негативно сказываясь на качестве профессиональной подготовки и образовательной среды в целом [Попенков, 2015]. Обозначилась убыль научных и научно-педагогических кадров, дефицит воспроизведения научного потенциала [Кулагина, 2012]. Пара-доксальным образом в регионах одновременно отмечают и невостребованность высококвалифицированных кадров, и острую нехватку специалистов в области высоких технологий и фундаментальной науки [Зайнашева, Охотникова, 2009, с. 20]. И уже на начало 2024 г., анализируя распространность целевого обучения в РФ, В.А. Гневашева сообщает, что безработица среди выпускников стремительно растет, причем независимо от уровня образования: «Примерно схожие тенденции представлены как для выпускников высших учебных заведений (5,2–6,1–10,9% в 2019–2020–2021 г. соответственно), так и для выпускников программ подготовки специалистов среднего звена (6,5–8,3–11,4% по годам соответственно)» [Гневашева, 2024, с. 35]. Рекомендуя расширение целевого обучения в стране, одновременно автор отмечает большой разрыв между организациями СПО и ВПО, профильными и многопрофильными образовательными учреждениями в доле программ, ориентированных на утвержденный в 2020 г. «список ТОП-50 новых и перспективных профессий, которые являются наиболее востребованными на рынке труда» [Гневашева, 2024, с. 30]. Монопрофильная и средне-профессиональная подготовка намного чаще использует целевые

квоты, дает значительно более высокие показатели трудоустройства выпускников и более гибко реагирует на изменения рынка труда, но ставит в невыгодные условия заказчиков целевого обучения, которые получают менее качественный «продукт» ввиду более низкого проходного балла для абитуриентов. Таким образом, дисбаланс спроса и предложения на рынке труда сохраняется, усиливается, и существующее целевое обучение, возможно, не сглаживает, а только подкрепляет его.

На этом фоне очевидна необходимость расширения форм совместной работы вузов и работодателей в области подготовки будущих специалистов самых разных сфер материального и духовного производства, не ограничиваясь традиционным целевым набором и практиками, которые все чаще проходят формально, став невыгодными и для вузов, и для предприятий [Казьмина, Каичич, 2008]. Среди таких форм выделяют «участие организаций в разработке образовательных стандартов, учебных программ, учебных планов» [Галковская, 2022, с. 69], практику студентов на потенциальном рабочем месте, в том числе оплачиваемую [Абрамов и др., 2019]. Требуется ограничение бесконтрольного набора вузами немотивированных абитуриентов на заведомо избыточные на рынке труда профили подготовки [Кулов, Гончаренко, Кучеров, 2013]. Необходимо внедрение англоязычных курсов в процесс подготовки иностранных студентов ради привлечения высококвалифицированных кадров из-за рубежа; сокращение педагогической нагрузки преподавателей и включение в образовательный процесс научно-исследовательского сегмента академического сообщества [Корсаков, 2017]. Дополнительно в качестве мер частичного восполнения кадрового дефицита называются стимулирование внутренней трудовой миграции и государственная помощь в переезде, создание дополнительных ясельных групп для сокращения декретного периода [Жандарова, 2023], преодоление формального подхода к профориентации как в школе, так и в муниципальных службах занятости, а также в кадровых службах предприятий-работодателей [Донецкий, Крымова, 2011].

Однако эти, и любые другие меры требуют значительных финансовых, временных, трудовых затрат, а с установкой на снижение издержек управляющие системы закономерно стремятся использовать дешевую и даже бесплатную рабочую силу. Неслучайно законопроект из Татарстана акцентировал экстерриториальный принцип распределения и невозможность отказа от него для основной массы выпускников-бюджетников.

Хотя законопроект был признан антиконституционным и отклонен, положенная в его основу идея сохраняет актуальность и социальную значимость. Во-первых, это не единственная в постсоветской истории попытка реанимировать советскую модель: подобный законопроект, также отклоненный, вносился в 2018 г. В 2023 г. замысел Татарстана поддерживали губернаторы Новосибирской и Курганской областей [Гречкин, 2023]. Во-вторых, на постсоветском пространстве действуют ее аналоги (Белоруссия, Латвия), и отечественные ученые признают необходимость если не копирования, то изучения и частичного, осторожного внедрения положительных элементов

их опыта [Горбунов, Орлов, 2017]. В-третьих, разработчики из Татарстана намерены продолжать работу над отклоненным проектом и после усовершенствования внести его на повторное рассмотрение [Проект законодательной инициативы № 8–387 ..., 2023].

Возникает необходимость оценить общественное восприятие инициативы, от которой зависит вероятность и успех новых попыток.

Материалы и методы исследования

Основная цель проведенного исследования – понять, насколько приемлема для граждан России сегодня идея трудовой мобилизации в государственных интересах, и есть ли связь между принятием этой идеи и лояльностью к профессии. Достижение первой цели обеспечивалось подсчетом высказываний «за» и «против» в медиасреде и выделением репертуара аргументов. Достижение второй цели реализовано за счет сопоставления результатов предварительно проведенного формального анкетирования студентов реальной учебной группы, выявлявшего степень их принятия профессиональной роли учителя (в соответствии с профилем подготовки), и ответов на открытый вопрос о причинах того или иного отношения к инициативе возврата к распределительной системе трудоустройства выпускников.

Информационная база работы представлена двумя основными источниками.

1. Результаты запроса «законопроект о распределении студентов» на платформе «Яндекс Дзен» в категории «Статьи и посты». По состоянию на 17.01.2024 найдено 97 материалов. Проданализировано (сплошным способом) 80 релевантных, без дублирования, материалов с оценками и комментариями к ним¹. Единицы анализа: даты выхода материалов в сопоставлении с реперными точками законопроекта; тональность (пафос) материала в сопоставлении с тональностью ценностно-оценочных суждений комментаторов; аргументация «за» и «против», высказанная как авторами материалов, так и комментаторами.

2. Результаты панельного опроса 32 студентов специальности «История» с педагогическим профилем подготовки с помощью формализованной авторской анкеты, посвященной готовности студентов к принятию профессиональной роли учителя, дополненной открытым вопросом об оценке законопроекта и ее причинах. Оценена связь отношения студентов к законопроекту с различными показателями их педагогической готовности.

Результаты исследования

Сформулированные еще в ходе разработки и обсуждения инициативы экспертные оценки [Проект законодательной инициативы № 8–387 ..., 2023] вынесены исходя из ее правомерности, затратности и ожидаемой результативности для структуры занятости и экономики в целом. Такая

---

¹ Орфография и синтаксис комментариев в цитатах сохранены.

же логика прослеживается и на уровне суждений «здравого смысла», с той разницей, что к правомерности добавились моральные категории гражданского долга, свободы и справедливости, а результативность зачастую оспаривается (например, комментаторы опровергают финансово-экономическое обоснование, где сказано, что принятие поправок к закону об образовании не потребует дополнительных расходов из бюджета РФ). Кроме того, «здравый смысл» учел не предусмотренные разработчиками эффекты для иных сфер жизнедеятельности общества и личности, иногда неожиданные. И хотя большинство отрицало саму возможность претворить проект в жизнь и верно предсказало его отклонение, говорить о всеобщем однозначном осуждении законопроекта, вопреки ожиданиям автора, не приходится.

Каналы и комментарии «Яндекс Дзен»: распределение как возврат долга или как рабство

Коммуникативная ситуация вокруг законопроекта интересна как пример ускоренного формирования общественного мнения, у которого не было периода «раскачки» (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика обсуждения тематики обязательного государственного распределения на платформе «Яндекс Дзен»

Источник: расчеты автора за период 2018–2023 гг.

Особенно ожесточенные дискуссии касались сфер школьного образования и медицины, где давно сложился острый дефицит кадров, недовольство работников и постоянный отток молодых специалистов. В дискуссиях выразились почти все функции общественного мнения: и оценочная, и познавательная, и мировоззренческая, и консультативная. Не успела актуализироваться только директивная. Не дошло до открытых писем, петиций, стихийных митингов, так как почти сразу последовало несколько негативных оценок на федеральном уровне, и экспертной оценки законопроект не пережил. Сама форсированность отклика Интернет-среды на движение законопроекта указывает на то, что такая возможность никого не застала врасплох, была достаточно ожидаемой,

и на то, насколько острой является ситуация и насколько широкие слои населения она потенциально способна всколыхнуть, если дело дойдет до практической реализации.

Кроме бурного всплеска, выраженного на рисунке 1 недельным пиком, совпадающим со стартом движения законопроекта, на диаграмме обращают на себя внимание две точки – 2018 и 2021 гг. В 2018 г. была сделана первая попытка выдвинуть аналогичный проект. В 2021 г. эксперты впервые диагностировали нынешнюю ситуацию как «кадровый голод». 8 декабря 2021 г. появилась провокационная статья, набравшая в 16 раз больше комментариев, чем их среднее количество за весь рассмотренный период (548 к данной статье, 35 – среднее за период). Провокационность связана с тем, что она не является собственно новостной, как абсолютное большинство материалов, но выдержана в условной модальности – «А что, если вернуть распределение после вузов?» – и окрашена позитивной тональностью. Иными словами, она пропагандирует идею распределения и «вбрасывает» ее с целью вызвать максимум эмоциональных реакций. Легкая пульсация с осени 2023 г. обеспечена только белорусскими каналами, описывающими нововведения (например, о том, что «платников» там тоже заставят отрабатывать, зато «на распределении выпускникам вузов будут платить больше денег»). Поскольку все отечественные материалы озвучивали, с одной стороны, уверенность, что законопроект не пройдет, а с другой стороны, что «продолжение следует», законодатели не успокаются, белорусские источники оставлены как пример воплощения законопроекта в жизнь, само присутствие которого в информационном пространстве работает на «привыкание» населения к непопулярному новшеству.

Рис. 2. Распределение оценок авторов и комментаторов

Источник: расчеты автора.

Показанная на рис. 2 гистограмма, представляющая итоги подсчета автором оценок «за» и «против», тоже дает основания ожидать возрождения инициативы в каком-то новом, модифициро-

ванном и более соответствующем сегодняшнему дню варианте, поскольку среди комментаторов не выделилось «большинства» и «меньшинства» – мнения разделились 50:50. Авторы каналов ориентируются на журналистские нормы, поэтому доминируют информационные материалы с подчеркнутой отстраненностью подачи.

Оценка предмета сообщения не всегда совпадает с эмоциональным фоном: тональность текстов сдержанная, но оценка эксплицитно выражается через заголовки, иногда через включение автора в полилог комментаторов, иронию, элементы синтаксиса (эллипсы, многоточия).

Если рассмотреть весь массив заголовков, презентующих тему распределения, наибольшей частотой, определяющей семантическое ядро, будут обладать представленные на рисунке три эмоционально-нейтральные слова. Однако пара «обязательный» / «принудительный» указывает на развертывание общественного дискурса в оценочной плоскости противопоставления «долга» человека перед государством и «свободы» как отсутствия этого долга.

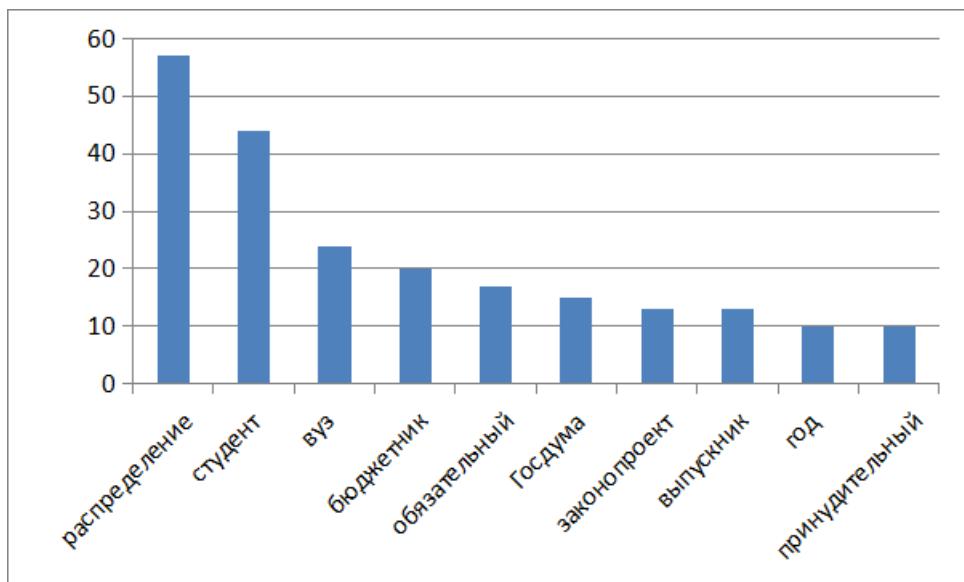

Рис. 3. Слова с максимальной частотностью (заголовки «Яндекс. Дзен»)

Источник: расчеты автора.

Доминирующая тональность заголовков – негативная. Даже информационно-справочные материалы конструируют идею социального регресса: «СССР» и «советский»; «крепостничество» и «новое крепостничество», «Потемкинская экономика». Дезориентацию, непонимание стратегии, вектора социального развития подчеркивает в заголовках словесный ряд «куда?», «возврат», «откат», «снова», «тупиковый». В самих текстах заголовки подкрепляются эмоционально нагруженными сравнениями: «кнут без пряника», «Юрьев день», «производительность рабского труда», «изобретение колеса», «попытка переиздать крепостное право в 21 веке».

Таким образом, проект воспринимается как откат в прошлое. Если материал не критикует законопроект с юридической или этической точки зрения, то ставит под сомнение его жизнеспособность. Очень часто звучит мысль – и у рядовых комментаторов, и у авторов, – что законопроект

экономически и демографически неизбежен, но он не должен представлять собой кальку советской модели. И для его реализации нужен полный, а не выборочный, возврат к плановой экономике. Ярко и лаконично несоответствие законопроекта современным реалиям выразил один из комментаторов: «*Странно, сколько лет капитализму в нашей стране, а как доходит до материальной заинтересованности, так сразу вспоминают социализм с его распределением...*»

Основные возражения следующие. Это принуждение к работе без достойных условий труда и заработной платы, отсутствие четко прописанных условий работы в целом («*Обязанности у нас умеют прописывать, а вот как насчет прав?*»). Как следствие – низкие социальные выплаты: «*Минимальная зарплата – значит, минимальные баллы на пенсию, или мизерные декретные*». Несправедливость к лучшим, самым трудолюбивым студентам по сравнению с теми, кто учился платно. Отсутствие данных об обеспечении молодого специалиста жильем, о предоставлении служебного жилья и подъемных и разрыв между заработными платами и размером арендной платы. Возможность отправки выпускника на новые территории, где ведутся боевые действия. Незащищенность вырванного из сетей социальной поддержки выпускника на новом месте, полная беззащитность в условиях новых этнополитических конфликтов: «*А помните, как наших специалистов рассылали по всему СССР и что потом с ними сделали народы бывших братских республик? Пожалейте хоть этих молодых специалистов!*»; «*...и живешь на вокзале, как бомж, так как, скорее всего, это будет чужой город, где нет родни. Прожить на МРОТ и так задача трудная, а со съемом жилья нереальная*».

Это может привести к отказу от получения высшего образования значительной доли абитуриентов из числа наиболее успешных выпускников, которые могли бы претендовать на бюджетные места, к распределению бюджетных мест не по критерию знаний и таланта абитуриента, а по критерию богатства его родителей. Расширяется платное образование; усиливается экономическое неравенство молодежи ввиду разницы в оплате одного и того же труда между столицами и провинцией, а также между регионами. Образование утратит последние признаки социального лифта. Принудительный труд вызовет постоянную ротацию в глубинке, где один «отбывший срок» выпускник будет сменяться другим, и качество труда дополнительном снизится: «*Когда жертвы ЕГЭ, кое-как окончив вузы на тройки, вместо маникюрищ и блогеров пойдут работать на заводы, они там будут хуже вредителей*». Особенно пострадают сферы, где и так дефицит кадров самый острый, – образование и медицина: «*То есть поступил на программиста – ты белый человек, а если на врача либо учителя, то ты крепостной? Кто же тогда пойдет на учителя и медика?*» Произойдет развал молодых семей и рост фиктивных браков, отрыв от старших поколений, корней и малой родины. В разы вырастет коррупция в образовании и появится черный рынок распределений.

К числу позитивных социальных эффектов нововведения пользователи относят: снижение перенаселенности столиц, возможность для молодого человека «*поездить посмотреть страну*», прекращение оттока кадров за границу, равномерную занятость по всей стране, закрытие подготовки в вузах по невостребованным специальностям, снижение случайных людей в профессиональной деятельности, преодоление иждивенчества у молодежи, ускоренную профессиональную социализацию и сокращение периода включения в экономическую деятельность. Комментаторы, признавая усиление социальной незащищенности выпускников перед работодателем, ожидают возрождения профсоюзов. И самое интересное, что звучит как от сторонников, так и от противников: внедрение распределения – шагок в направлении реконструкции социализма: «*Да и вообще, что плохого в «административно-командной» системе, 80% из нее можно взять для нынешнего времени. Она обеспечивала и темпы роста высокие, и грамотность поголовную, и соц. справедливость*».

Однако ностальгирующие по распределительной модели времен СССР осознают, что «*буржузи вряд ли внедрят этот опыт целостно, исказят, исковеркают, используют для своей нажины*». Поэтому на практике переход означает не столько планирование производства и труда, сколько мобилизацию труда без оглядки на его востребованность и полезность. Неслучайно инициатива сравнивается с положением дел в армии: «*для курсантов вообще не представляет сложности служить по распределению в разных уголках нашей необъятной Родины, значит и обычные граждане тоже привыкнут. И вообще молодежь таким образом станет взросletь раньше и быстрей*». Самая сильная и часто злорадная надежда – преодоление социального неравенства или хотя бы насилиственное знакомство «верхов» (посредством их детей) с реальными условиями жизни «низов»: «*Платить надо людям достойно за любой труд, если он нужен обществу, неважно, доярка или ассенизатор. Тогда и не будет благородного и неблагородного труда. А вы хотите людей по сословиям заставить коров доить, только потому что в деревне родились? И за минималку? А я предлагаю наоборот, из Москвы туда отправить поработать, может тогда уважение к людям и появится, а заодно узнают, откуда их стейк взялся и сыр*».

Самые дискутируемые вопросы: как обеспечить равенство закона для всех и следует ли распространить его на «платников»; могут ли «платники» стать хорошими специалистами; все ли специальности должны быть охвачены распределением или же только остро дефицитные; что считать «хорошей зарплатой», которая могла бы привлечь молодых специалистов; имеют ли они вообще право претендовать на «хорошую зарплату», не набравшись опыта; насколько отказ молодежи от работы по найму вызван деградацией рынка труда и экономики и насколько – моральной деградацией самой молодежи? Почему не работают ранее созданные программы «Земский доктор», «Земский учитель», а также целевое распределение? По какому принципу происходит сейчас и будет происходить в случае принятия законопроекта распределение бюджетных мест между ву-

зовскими специальностями? Хватит ли вакансий по специальности: «*А куда они этих несчастных будут распределять, интересно? Страна в разрухе, предприятия можно по пальцам пересчитать*», особенно с учетом численности выпускников не только массовых, но и редких, наукоемких и творческих профессий: «*Я так понимаю, это закон не про бюджетников в целом, а про врачей и учителей? Так как студенты-психологи, мостостроители, агрономы, юристы нафиг не нужны! Т.е. условия труда улучшать не хотят, зарплаты поднимать не хотят, тогда привяжем к месту? Ага, щас! Получится обратный эффект! В мед и в пед никто учиться не пойдет, и не мечтайте!*»

Ядерная часть заинтересованных пользователей Сети, активно включившихся в комментирование материалов, представлена не столько студентами, сколько их родителями, работодателями, врачами и медсестрами, военнослужащими (и членами их семей), школьными учителями и административными работниками вузов. Самый ангажированный комментатор, яростно отстаивающий распределение в дискуссиях на разных каналах к разножанровым материалам, – житель глубинки, озлобленный ее осуждением в инфраструктурном и человеческом измерении, ссылающийся на опыт СССР и свои личные тяготы работы по распределению по окончании учебного заведения, которые были им успешно преодолены и не помешали судьбе сложиться благополучно. Интересно, что это не столько сельский житель, сколько житель малого города или поселка, зачастую не имеющий высшего образования сам, но мечтающий о нем для детей или гордящийся успехами ребенка, который его получает.

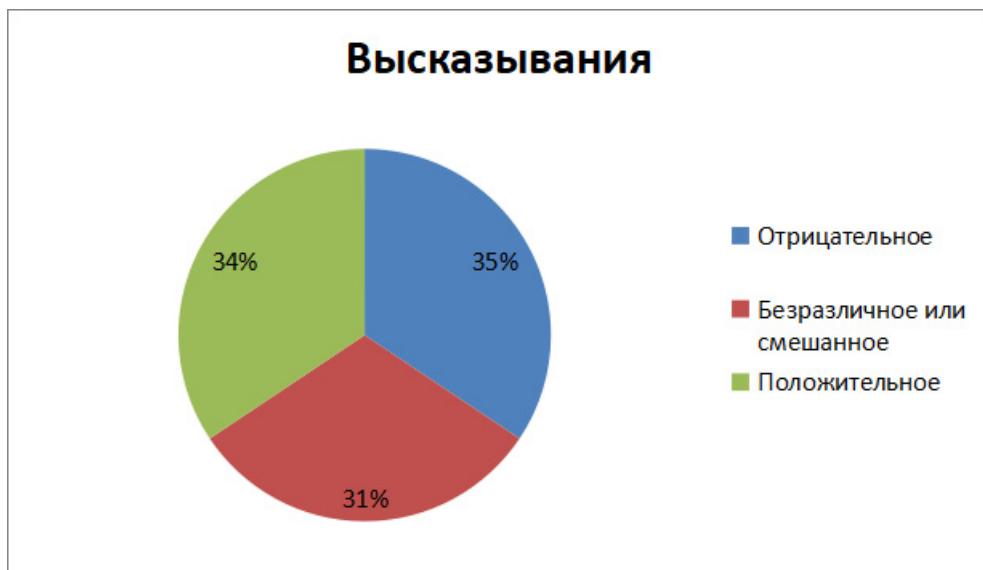
Студенты в полемику со старшими не вступают, выражая свое отношение одной-двумя фразами. Не все обозначают в комментарии свой статус. Отношение к инициативе самих студентов выяснялось посредством неоконченного предложения «Законопроект об обязательном распределении студентов я оцениваю _____, потому что _____».

Оценка законопроекта студентами: «за», «против» и их корреляты

Аналогично материалам «Яндекс Дзен», студенческие оценки законопроекта (рис. 4) образовали три равные доли.

Положительные оценки аргументируются тем, что студентам и выпускникам необходимо иметь гарантированное место работы и профессиональный опыт, что вне центральной России не хватает педагогов во многих школах. Распределение студентов и выпускников в школы они рассматривают как награду за усилия при поступлении на бюджет. Гарантированное рабочее место позволяет молодым специалистам получить опыт, от чего получает пользу и государство. Прослеживается и зависть тех, кто не прошел на бюджетные места, по отношению к тем, кто учится бесплатно («*некоторые бюджетники нечестно занимают свое место, тем самым не заслуживают*»).

этого, а также не соблюдают или как минимум надеются, что у них получится не соблюсти правила целевого договора»).

Рис. 4. Распределение студенческих оценок

Источник: расчеты автора.

Негативные оценки подкрепляются следующими аргументами. Региональное распределение может ограничить возможности и перспективы выпускника. Вероятность этого высока, поскольку немногие поступали именно на ту специальность, о которой мечтали, выбрав наиболее близкий к ней вариант из доступных. Кроме того, распределение может выйти за границы родного региона, что может вызвать экономические трудности для молодого специалиста, который нуждается в финансовой поддержке государства. Ограничение выбора места работы приведет к неудовлетворенности как молодого педагога, так и его учеников, сформирует недоверие к государственным органам. Оно может негативно сказаться на экономическом развитии региона, поскольку молодые специалисты будут вынуждены искать работу в других регионах или даже за границей. Для тех же, кто хочет гарантированного трудоустройства, существует целевой набор.

Нейтральные оценки выносят и настороженные «бюджетники», и безразличные «платники» и «целевики». Последние «не интересуются политикой» и не слышали о законопроекте ранее. «Бюджетники» не хотят быть привязанными к государственным структурам, «попадать в государственную кабалу» и тратить три года своей жизни на путь, который выбрали за них и который может помешать реализации собственных планов. Вместе с тем, они признают такой плюс инициативы, как избавление от самостоятельного поиска первой работы.

С помощью корреляций Спирмена была оценена связь отношения к законопроекту с полученными путем анкетирования данными о том, как студенты воспринимают профессию учителя, в чем видят ее основные выгоды и недостатки, насколько оценивают свое соответствие профессио-нально значимым качествам и как оценивают вероятность самореализации в данной роли.

Выделен ряд переменных, с которыми, вопреки ожиданиям, связи не обнаружилось. Нет связи с уровнем оптимизма в восприятии перспектив своей жизни в педагогике (вопрос о том, каковы ожидания студента от роли учителя – «скорее оптимистические», «скорее пессимистические», «особые ожидания отсутствуют»). Не заслуживает внимания связь с уверенностью студентов в том, что по окончании обучения они отправятся на работу в школу ($го = 0,287$ со значимостью 0,000) и с характером мотивации труда, которая кодировалась соответственно: внешняя отрицательная = 1, внешняя положительная = 2, внутренняя положительная = 3 ($го = 0,164$ со значимостью 0,000). Связь с оценкой престижности профессии прямая, статистически значимая, но слабая ($го = 0,311$ со значимостью 0,000). Интересен для будущей целенаправленной проверки «намек» на династичность: чем реже среди прямых предков и родственников студентов имеются педагоги, тем более они склонны оценивать законопроект положительно. Но на данный момент это недостоверно ($го = -0,308$ со значимостью 0,000).

Самой четкой линией, разграничитывающей отношение к законопроекту, стал уровень материальных притязаний и социально-территориальный статус студента. Во всех случаях выявленные значимости (на уровне 0,05) двусторонние и в целом сохраняют знак и силу в условиях парциальных корреляций при нескольких проверках.

Прежде всего, студенты, приехавшие в областной центр получать образование из сельских населенных пунктов, проявляют выраженно большее одобрение инициативы ($го = -0,342$ со значимостью 0,000). Для них первостепенную важность имеет гарантия трудоустройства. Чем чаще студенты уверены, что труд учителей оплачивается достаточно ($го = 0,415$ со значимостью 0.000), и чем меньший размер заработной платы на старте учительской карьеры они ожидают получать ($го = -0,344$ со значимостью 0.000), тем чаще они одобряют законопроект. При этом сельские студенты оценивают экономическое благополучие собственных родительских семей ниже, чем горожане, их зарплатные ожидания скромнее, а учителям они приписывают большие размеры заработной платы (и по сравнению с родительской семьей, и по сравнению с ожиданиями городских студентов) [Бойко, 1999, с. 3].

В группе не оказалось ни одного студента, успевшего создать брачную семью. Вероятно, поэтому ни разу не звучал аргумент о возможности распада семьи в результате раздельного распределения супругов. Среди сельчан никто не совмещает учебу с работой (нужно отметить, что по сравнению с ранее проведенной панелью на группе, пришедшей в вуз еще до начала СВО, доля работающих студентов вообще резко сократилась с 33% до 7%). Соответственно, не озвучивался студентами и такой аргумент против законопроекта, как необходимость бросать в пользу отработки самостоятельно найденную работу.

Помимо финансовых притязаний, отношение к законопроекту дифференцирует степень принятия конкретных компонентов и условий деятельности и образ учителя.

Студенты оценивали в баллах от 1 до 7 привлекательность режима труда и рабочего графика, внедрения научных и методических разработок, обязательных курсов повышения квалификации, проведения мероприятий воспитательной направленности, реализации творческого подхода к обучению, работы с трудными детьми, контактов с родителями учеников, взаимодействия с администрацией школы, с педагогами-наставниками, с такими же молодыми учителями, проверки домашних заданий, работы в социальных сетях и ведения документооборота [Казакова, 2023, с. 55]. Обнаружилась выраженная связь принятия распределительно-трудовой модели с тремя переменными из названных. Законопроект кажется тем более приемлемым, чем привлекательнее для будущего педагога возможность реализации творческого подхода к обучению ($r_o = 0,410$ со значимостью 0,000), чем чаще они готовы организовывать воспитательные мероприятия ($r_o = 0,387$ со значимостью 0,000), чем желательней для них взаимодействие с педагогами-наставниками ($r_o = 0,344$ со значимостью 0,000). Таким образом, очевидно, что государственное распределение импонирует тем, кто тяготеет к постфигуративной профессиональной культуре с главенством старшего поколения, транслирующего не только мастерство, но и ценности.

Образ учителя рисуется более гуманистическим, ориентированным на партнерское взаимодействие тем, кто отвергает законопроект, более авторитарным, ориентированным на прямое педагогическое воздействие – тем, кто поддерживает государственное вмешательство в профессиональную жизнь, и приспособительным, ситуационно-подвижным и одновременно рациональным, деловым – у безразличных к государственному участию.

Оценивая эталонные качества учителя, те, кто категорически против распределения, считают самым важным (средние существенно превышают контрольный диапазон в 3σ) умение ладить с людьми, коммуникабельность, а также стрессоустойчивость и выдержку. Отличительной чертой «умеренных» является, в отличие от двух других групп, приписываемая учителю тактичность. Те же, кто поддерживают идею распределения, отличаются от остальных тем, что выше всего ценят такие качества, как ответственность и дисциплинированность. В отношении же таких качеств, как самосовершенствование и креативность, требовательность и справедливость, человеколюбие и эмпатия, существенных различий в оценках нет.

Интересно, как распределилось соотношение самооценок профессионально значимых качеств учителя в сравнении с эталоном. Осудившие законопроект больше всех остальных считают себя соответствующими эталону в отношении человеколюбия и эмпатии, а также тактичности. Те, кто законопроект поддержал, не только больше прочих ценят ответственность и дисциплинированность, но и себя считают обладающими этими качествами в наивысшей степени. Кроме того, они намного чаще остальных считают себя креативными и склонными к самосовершенствованию, требовательными и справедливыми, стрессоустойчивыми и выдержаными. «Умеренные» выше

всех оценивают свое умение ладить с людьми и коммуникабельность. Оценки всех качеств, эталонных и собственных, сведены в таблицу.

Таблица 1

**Профессионально значимые качества: оценки и самооценки в зависимости
от отношения к распределению
«Э» – «эталон», «С» – «самооценка»***

Законо-проект	Умение ладить с людьми		Ответственность, дисциплинированность		Самосовершенствование, креативность		Требовательность, справедливость		Человеколюбие, эмпатия		Коммуникабельность		Стрессоустойчивость, выдержка		Тактичность	
	Э	С	Э	С	Э	С	Э	С	Э	С	Э	С	Э	С	Э	С
«-»	B	Cp	Cp	H	Cp	H	Cp	H	Cp	B	B	Cp	B	Cp	Cp	B
«0»	H	B	H	Cp	Cp	Cp	Cp	Cp	Cp	B	Cp	B	H	Cp	B	H
«+»	Cp	H	B	B	Cp	B	Cp	B	Cp	H	H	Cp	Cp	B	Cp	Cp

B = высшая (выходящая за пределы контрольного диапазона в 3 σ)

Cp = нет значимых различий

H = низшая (выходящая за пределы контрольного диапазона в 3 σ)

* Источник: составлено автором.

Как видим, законопроект, способный сделать профессиональный выбор фатально неответимым, служит хорошим индикатором взвешенной, ответственной самооценки профпригодности.

Те, кого возмущает возможность государственного вмешательства, по многим качествам «не дотягивают» до эталонного учителя, каким он им рисуется. Те, кто приветствует идею распределения, демонстрируют самоуверенность, ощущая в себе необходимые качества в мере, равной эталону или даже превосходящей его, и это распространяется на все качества, кроме тех, что ослабляют авторитарную ролевую модель (умение ладить с людьми и человеколюбие). Наиболее сбалансированы оценки и самооценки у тех, кто отнесся к государственному регулированию отстраненно. Единственное, в чем они видят себя слабее эталонного учителя, – это тактичность. Однако именно в их профессиональном выборе можно быть уверенными в наибольшей степени.

Заключение

В плановом распределении студентов-бюджетников ученые видят множество выгод. Это возможность облегчить реконструкцию специалитета после выхода из Болонского процесса [Мартынов, 2023]; снизить социальную эксклюзию и дискриминацию в сфере занятости [Садовникова, 2019]; добиться большей привлекательности региональных вузов для иностранных студентов, прежде всего из стран бывшего СССР, откуда в Россию идут основные миграционные потоки, и тем оздоровить в регионах не только кадровую, но и репродуктивную ситуацию [Лебедева, 2023]; предотвратить угрозы продовольственной безопасности страны, закрепляя на селе выпускников сельскохозяйственного профиля [Липатова и др., 2023] и специалистов социальной сферы, прежде всего медиков и учителей [Гречкин, 2023]; выручить дополнительные средства на обновление ла-

бораторного оборудования за счет уплаты в бюджет нарушителями соглашений потраченных государством средств [Корсаков, 2017]; снизить социальную напряженность и даже избежать оранжевых революций, подпитываемых отсутствием социальных лифтов молодежной мобильности [Попенков, 2015]. Таким образом, новые попытки возврата государства к распределительной системе труда вероятны и ожидаемы.

Внешние факторы, в том числе меры государственной внутренней политики, могут оказывать сильное влияние на мотивацию студентов выбирать профессию учителя. В целом набор аргументов «за» и «против», выдвинутых экспертами законопроекта, студентами как его целевой группой и пользователями «Яндекс. Дзен», совпадает, но ввиду жанровых особенностей коммуникации он содержательно и эмоционально богаче в интернет-пространстве.

Предложение о введении обязательного государственного распределения студентов-бюджетников способно вызвать негативную реакцию у довольно широких социальных слоев, что может привести к усилению кадрового дефицита и ухудшению качества будущего образования в России. Но одновременно со стороны части студентов сложился выраженный и осознанный запрос на более активное участие государства в трудоустройстве выпускников в соответствии с полученной профессией.

Все рассмотренные категории субъектов, выносивших свои оценки законопроекту, уверены, что государственное регулирование рынка труда необходимо, но требуется разработка более эффективных, чем принуждение, методов стимулирования мотивации студентов. Треть студентов резко против государственного вмешательства, треть бы только приветствовала его, треть безразлична по той причине, что коммерческая или целевая основа их обучения нивелирует личную значимость инициативы. Высоко положительный отклик идея нашла у сельских студентов. Главная дискриминанта принятия или неприятия инициативы – уровень финансовых притязаний и оценка текущего материального положения семьи. Это указывает на необходимость мониторинга потребностей и возможностей рынка труда с точки зрения их соответствия ожиданиям и запросам не только студентов вузов, но и выпускников школ. Необходимо сравнение педагогической готовности и планов по трудоустройству «высокоресурсных» и «низкоресурсных» студентов на разных ступенях профессионального образования (ВПО и СПО). Нужно выявить целевой сегмент, не только лояльный к идеи государственного участия в построении трудовой карьеры, но и нуждающийся в нем, для определения конкретных форм помощи, способных довести установку на трудоустройство в школу до ее реализации в действии.

Полученные данные могут быть использованы для разработки более эффективных методов стимулирования студентов к профессии учителя и преодоления негативного отношения к государственному распределению в случае его корректировки в сторону дифференцированного подхода и расширенного состава мест приложения труда для возможного выбора.

Список литературы

1. Алексеевская Т.И., Соктуев Б.С. Проблемы востребованности выпускников медицинского вуза в базовых клинических лечебно-профилактических учреждениях // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. – 2005. – № 1 (39). – С. 191–193.
2. Анферов А.А., Долгих Е.А. Статистический анализ трудоустройства выпускников образовательных организаций // Вестник университета. – 2018. – № 8. – С. 68–72.
3. Башарина О.В. Теоретические основы проблемы кадрового обеспечения региональной экономики // Инновационное развитие профессионального образования. – 2018. – Т. 18, № 2. – С. 20–28.
4. Бойко С.С. Трудовой семестр в формировании социально-значимых качеств личности будущего специалиста: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 1999. – 24 с.
5. Галковская Ю.Н. Адаптация студентов специальности «библиотечно-информационная деятельность» к будущей профессиональной деятельности в период обучения в университете: опыт факультета информационно-документных коммуникаций БГУКИ // Культура Беларуси: реалии современности: сборник научных статей XI Международной научно-практической конференции, Минск, 13 октября 2022 года / редколлегия: Н.В. Карчевская (пред.) [и др.]. – Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2022. – С. 68–74.
6. Гневашева В.А. Современные аспекты целевой подготовки кадров // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 1. – С. 24–36. – DOI: 10.17513/vaael. 3206.
7. Горбунов В.В., Орлов А.В. Проблемы трудоустройства выпускников вузов в условиях экономического кризиса // Государственная и частная высшая школа России в 1917–2017 гг.: вызовы и уроки столетия: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 20 апреля 2017 года. – Москва: Частное учреждение высшего образования «Институт государственного администрирования», 2017. – С. 172–179.
8. Гречкин Е.И. К вопросу об актуальности обязательного распределения выпускников в условиях рыночной экономики // Образование и наука: современный вектор развития: материалы II Национальной научно-практической конференции, Керчь, 16–17 июня 2023 года. – Керчь: ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», 2023. – С. 297–302.
9. Доклад о денежно-кредитной политике. Май 2023 / Портал Банк России. – 2023. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43959/2023_02_ddcp.pdf (дата обращения 17.03.2024).
10. Донецкий А.М., Крымова Н.А. Профориентация населения – важное условие эффективной занятости // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2011. – № 1. – С. 226–228.
11. Жандарова И. Исследование: В России нет регионов с избыточными трудовыми ресурсами // Российская газета. – 2023. – 26.07. – URL: <https://rg.ru/2023/07/26/kak-bez-ruk.html> (дата обращения 17.03.2024).
12. Зайнашева З.Г., Охотникова Л.В. Рынок труда как фактор развития системы профессионального образования // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2009. – № 2 (2). – С. 17–25.
13. Казакова А.Ю. Педагогическая практика как фактор селекции будущих педагогов // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2023. – № 10. – С. 53–60.
14. Казьмина Л.Н., Кариц Л.В. Современные формы организации практик студентов в вузах туристского профиля как фактор, влияющий на трудоустройство выпускников // Сервис в России и за рубежом. – 2008. – № 2 (7). – С. 73–82.
15. Корсаков А.К. Проблемы геологического образования и пути их решения // Разведка и охрана недр. – 2017. – № 2. – С. 48–55.
16. Краткий обзор ситуации на рынке труда за июль 2023 // Портал Head Hunter. – 2023. – URL: <https://kaluga.hh.ru/article/research> (дата обращения 17.03.2024).
17. Кулагина Е.В. Воспроизводство научных и научно-педагогических кадров в России: перспективы модернизации // Экономика образования. – 2012. – № 1 (68). – С. 4–22.
18. Кулов А.Р., Гончаренко О.Н., Кучеров А.С. Востребованность выпускников учреждений высшего профессионального образования в сфере агропромышленного комплекса // Агропродовольственная политика России. – 2013. – № 9 (21). – С. 77–83.
19. Лебедева Т.В. Развитие региональных вузов Российской Федерации: влияние на объемы образовательной иммиграции // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2023. – Т. 50, № 3. – С. 219–240.
20. Мартынов Г.П. Будущее высшего образования в России без Болонской системы // Актуальные вопросы образования. – 2023. – № 1. – С. 298–304.
21. Матвеева А.И. Социальная адаптация молодых специалистов в системе образования современного российского общества: специальность 22.00.06 «Социология культуры»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Екатеринбург, 2005. – 24 с.
22. Подготовка инженеров-инноваторов для ОАО «РЖД» / Абрамов А.Д., Задорин Г.П., Маслов Н.А., Манаков А.Л. // Путь и путевое хозяйство. – 2019. – № 3. – С. 17–20.
23. Попенков О.Н. Особенности преподавания арабского языка в светском вузе: оптимизация учебного процесса и проблема мотивации. Проблема социальных лифтов // Образовательная среда сегодня: стратегии развития. – 2015. – № 3 (4). – С. 207–213.
24. Проект законодательной инициативы № 8–387 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» / Система обеспечения законодательной деятельности. – 2023. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/8-387#bh_histras (дата обращения 17.03.2024)

25. Пугач В.Ф., Федорова Е.А. Трудоустройство выпускников российских вузов (статистико-социологический анализ) // Высшее образование в России. – 2011. – № 10. – С. 136–146.
26. Садовникова Н.А. Статистический анализ результатов опроса выпускников-инвалидов различного уровня образования по проблемам трудоустройства // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 5 (106). – С. 1254–1258.
27. Современная демографическая ситуация и продовольственная безопасность России / Липатова Л.Н., Кужельная О.В., Строкан Е.В., Пылькина М.С. // АПК: экономика, управление. – 2023. – № 9. – С. 3–16.
28. Татарстан вошел в десятку «студенческих» регионов // Реальное время. – 2019. – 24.09. – URL: <https://realnoevremya.ru/news/152579-tatarstan-voshel-v-desyatku-studencheskih-regionov> (дата обращения 17.03.2024)
29. Эпп В.В. Информационная поддержка согласования регионального рынка труда и выпуска специалистов с высшим образованием: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук. – Пенза: Пенз. гос. ун-т, 2007. – 22 с.

A RETURN TO THE DISTRIBUTION IN THE RATINGS OF INTERNET USERS AND STUDENT TEACHERS

Anna Kazakova

Doctor of Sociological Sciences, Senior Researcher at the Department of Sociology and Social Psychology of the Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia,
kazakova.a.u@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the problem of graduate employment and the use of the model of state distribution. Based on a retrospective discourse analysis of the public debate on the mandatory state distribution of public sector students, the distribution of opinions of the public and students regarding the legislative regulation of this area is shown. Considering students of pedagogical specialties as a target group, the author compared the assessments of students of history with pedagogical specialization with weak and strong willingness to accept the professional role of a teacher. The obtained data can be used to develop more effective methods of stimulating students to the teaching profession and overcoming negative attitudes towards state distribution in case of its adjustment towards a differentiated approach and an expanded composition of places of employment for possible choice.

Keywords: state distribution of graduates; evaluation of the draft law; motivation; pedagogical readiness.

For citation: Kazakova A.Y. Return to the distribution in the assessments of Internet users and student teachers // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – No. 2. – P. 98–115.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.02.06